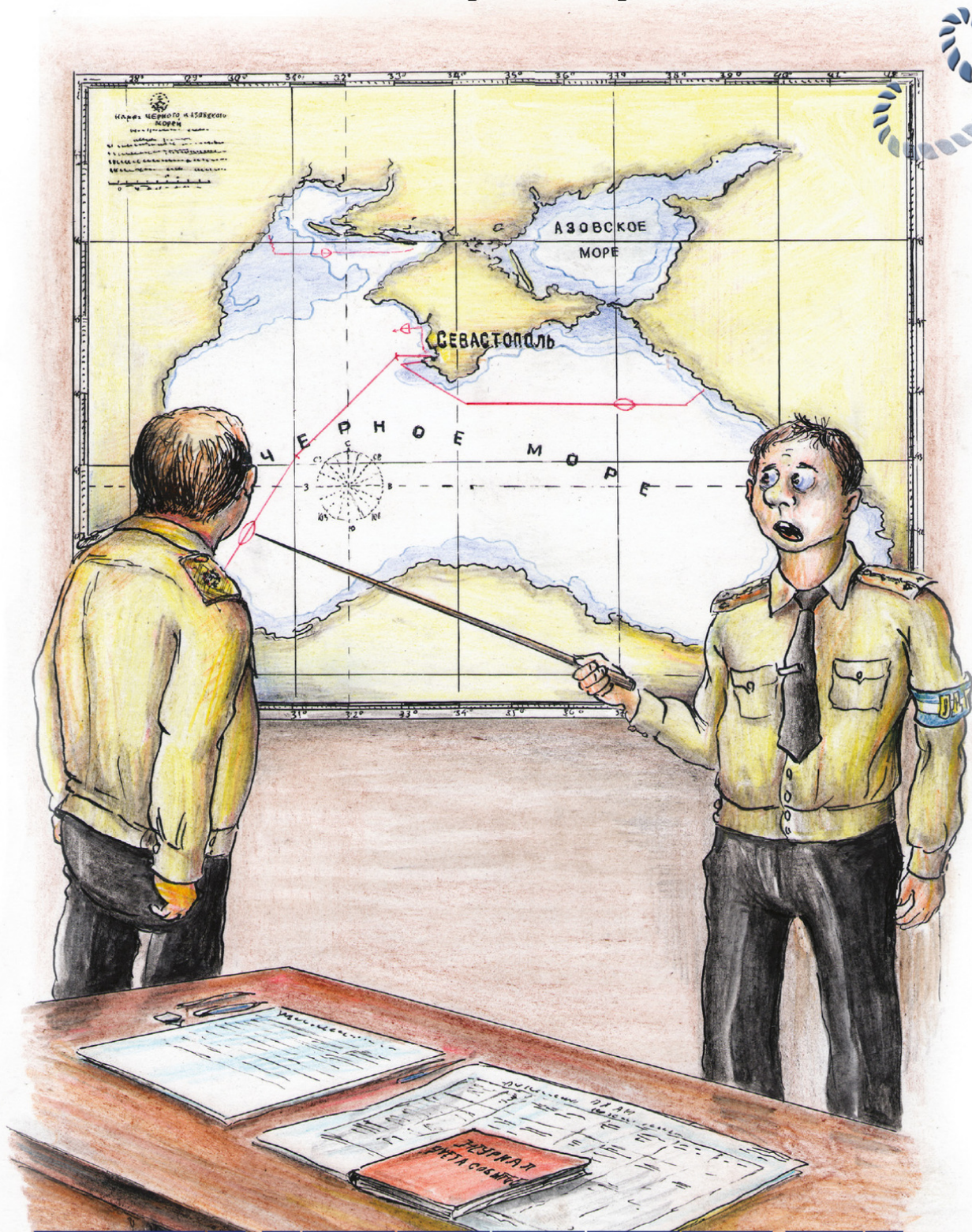

Александр Саркисов

ПОНОБОБЕЛЬ

О флоте и не только...

О флоте и не только...

Александр Саркисов

Гонобобель

«У Никитских ворот»

2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Саркисов А. А.

Гонобобель / А. А. Саркисов — «У Никитских ворот»,
2015 — (О флоте и не только...)

ISBN 978-5-00095-004-3

Книга «Гонобобель» раскрывает нам Александра Саркисова не только как состоявшегося писателя-мариниста, мастера смешных и поучительных рассказов из флотской жизни, но и как литератора, осмысливающего жизнь своего поколения, раздумывающего над вечными темами поиска счастья и любви. Кстати, гонобобель – это вовсе не флотское ругательство, как могли бы подумать некоторые, а всего лишь...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-004-3

© Саркисов А. А., 2015
© У Никитских ворот, 2015

Содержание

Предуведомление к читателю	6
Шесть дней сентября	7
Витька Шишкеев	7
День первый. Гетера	13
День второй. Мадонна	17
День третий. Ваша милость	21
День четвертый. Свабойная машина	26
День пятый. Парижанка	30
День шестой. Соотечественница	34
Вяленький цветочек	39
Потерянный рай	43
Бытие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Саркисов

Гонобобель

© А.А. Саркисов, 2015

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2015

Предуведомление к читателю

Новая книга члена Союза писателей России Александра Саркисова «Гонобобель» лишь отчасти является продолжением темы, ранее заявленной автором в его первой книге «Система» (издательство «У Никитских ворот», 2014). Новая книга раскрывает нам нового Александра Саркисова уже не столько как состоявшегося писателя-мариниста, мастера смешных и поучительных рассказов из флотской жизни, но и как литератора, осмысливающего жизнь своего поколения, раздумывающего над вечными темами поиска счастья и любви.

Добрая и смешная повесть «Шесть дней сентября», которой автор открывает книгу, рассказывает о последних приключениях стареющего плейбоя, уже осознавшего, что романтика былых веселых лет для него навсегда ушла, и заново открывающего для себя счастье семейной жизни и тепла родного дома.

Как всегда остроумны и лаконичны рассказы А. Саркисова. При этом если в своей первой книге он оставался верен исключительно военно-морской тематике, то сейчас перед нами предстает куда более широкий спектр человеческих взаимоотношений его героев. Среди рассказов А. Саркисова сложно выделить что-то в лучшую сторону, так как все они написаны на весьма высоком художественном уровне. Все с интересом и легко читается. При этом наряду с такими юмористическими зарисовками, как «Трансформация супружеского долга», повествующими о проблемах мужчин так называемого «среднего возраста», мы находим и рассказы совсем иного плана. Думаю, что никого не оставит равнодушным рассказ «Мэтр с кепкой» – настоящий реквием памяти великого российского поэта-фронтовика Григория Поженяна.

Однако центральным произведением новой книги А. Саркисова, безусловно, является повесть «Потерянный рай». В центре ее – затерянный среди севастопольских бухт обычный рыбацкий причал, обжитый многими поколениями его обитателей. У каждого из них был свой нелегкий жизненный путь, но всех рано или поздно принял к себе Причал. При этом Причал – это не только место, где швартуются старые ялики и хранятся рыбацьи снасти. Причал – это особый образ мышления, это свой особый, ни с чем не сравнимый мир, населенный честными и мужественными людьми. Порой герои А. Саркисова совершают не столько героические, сколько нелепые и смешные поступки. Однако оттого они становятся еще более понятными и дорогими для читателя. Причал – это особая мужская «обитель», живущая по своим традициям и законам. Здесь нет места криводушию, подлости и фальши, ибо море проверяет человека насквозь. Здесь все понимают друг друга с полуслова и каждый верит в друга как в самого себя. Но времена меняются, и в этот маленький мир вторгаются пришельцы из другого, большого мира, где живут по совершенно иным правилам. Причал сопротивляется, его обитатели сражаются из последних сил, отстаивая право на свой уголок рая, но силы слишком неравны...

Остается прибавить, что новая книга Александра Саркисова – это, несомненно, его новая удача. Пожелаем же «Гонобобелю» счастливого плавания в читательском море, ну а тем, кто взял в руки эту книгу, удовольствия от встречи с настоящей литературой.

Кстати, гонобобель – это вовсе не флотское ругательство, как могли бы подумать некоторые, а всего лишь...

*Секретарь Союза писателей России
капитан I ранга
Владимир Шигин*

Шесть дней сентября

(военморам поколения «пятьдесят плюс» посвящается)

Витька Шишкеев

Витька был мордва, нюансы типа мокша, эзя или шокша интересовали только сильно продвинутых этнологов. И родом он был соответственно из Мордовии, а точнее из Рузаевского района, села Шишкеево, что на речке Шишкеевке. Село было не малое – под полтысячи жителей, имелся даже свой совхоз «Шишкеевский». Большая часть населения, те, что коренные, имели фамилию Шишкеевы, хотя родственными узами скреплены и не были. Так уж в тех краях повелось, в Ковыкино жили Ковыкины, в Торбеево – Торбеевы, в Темниково – Темниковы, удобно было, фамилию назвал, и многое про тебя понятно.

Витька рос в благополучной семье, мать работала на почте, а отец был бригадиром в совхозе. Учился он с прилежанием, в свободное время помогал матери на почте, а все каникулы пропадал с отцом в его бригаде. Никуда дальше райцентра они не выезжали и с окружающим миром знакомились исключительно через телевизор. Ни о какой другой жизни, кроме как в родном Шишкеево, он и не мечтал.

Когда он учился в десятом классе, в школу приехал райвоенком. Он был моряком, и никто не знал, каким ветром его занесло так далеко от моря. Невысокого роста, с добродушным животиком и располагающими залысинами, он рассказывал старшеклассникам о том, что скоро им предстоит выполнять почетную обязанность. Наступило время вопросов, учитывая принадлежность докладчика к флоту, и вопросы были соответствующие. Поднял руку и Витька.

– Товарищ военком, а среди наших земляков моряки есть?

– Конечно, есть, прямо из вашего Шишкеева и есть. Алашаев Дмитрий Александрович, известный военный гидрограф, его именем даже назван залив в Антарктиде у станции Молодежная.

Витькина жизнь враз перевернулась, купив за два рубля семьдесят копеек «Малый атлас мира», он мечтал, как будет бороздить моря и океаны. Военному смысленный паренек понравился, и он помог ему собрать документы для поступления в Высшее военно-морское училище им. Фрунзе. Готовился он серьезно, уж очень ему хотелось стать офицером-гидрографом. Родители ходили гордые, а соседи с уважением говаривали – «Витька-то Шишкеев на охвицера учиться будет, в самом Ленинграде!»

Поступил Шишкеев с первого раза, правда, на гидрографический факультет не хватило баллов, и на предложение приемной комиссии учиться на минно-тральном он согласился сразу. Витька кожей ощущал свое отставание от одноклассников, не в учебе, нет, а скорее в общем развитии. Ребята в основном были городские и жизнь видели несколько по-иному. В коллективном освоении недорогих шалманов и женских общежитий Шишкеев участвовал редко, все свободное от учебы и нарядов время он проводил в музеях, театрах и на выставках. К концу третьего курса у него напрочь пропал жуткий акцент, а в вопросах модной литературы, музыки, живописи он мог дать фору любому однокурснику. Больше того, Витька стал интересоваться внешностью – каждый день до синевы выбрит, обильно сбрызнут огуречным лосьоном, слегка смоченные волосы уложены на идеальный пробор, роба отутюжена, ботинки как зеркало, а о стрелки на гюйсе можно было порезаться. Все это в сочетании с поджарой мускулистой фигурой и отдаленной схожестью с известным голливудским актером намертво приклеило кличку Сталлоне. Шишкеев не обижался, наоборот, старался соответствовать, кличка обязывала.

Пять лет пролетели как мгновенье, распределили лейтенанта Шишкеева служить в Севастополь в бригаду охраны водного района командиром минно-торпедной боевой части на тральщик «Комсомолец Мордовии». Кадровики на флоте были ребята с юмором. Служил Витька добросовестно, но адмиралом становиться не собирался, и вообще корабльцкая жизнь его не возбуждала, поняв, что ночевать на берегу в объятиях дам куда приятней, чем на железе в обществе дурно пахнущего личного состава, он быстро ушел во флагманские специалисты. Сам не заметил, как постепенно превратился в Виктора Васильевича, хотя друзья по старинке звали его Сталлоне. Всю прелесть береговой жизни он использовал на полную катушку, много читал, изучил английский, стал завзятым театралом, а невесты преследовали его табунами. Со временем он стал замечать, что перестал материться, кричать на подчиненных и забивать в обед козла. Комбриг, наблюдая за Шишкеевым, пришел к выводу: еще немного, и офицера потеряют. После недолгих уговоров отправили Витьку в Ленинград, в военно-морскую академию.

Поступил Шишкеев не напрягаясь и учился так же, он был влюблен в Ленинград и купался в его атмосфере. На втором курсе молодой, красивый и перспективный капитан III ранга неожиданно влюбился. Девушка была красавица с яркой семитской внешностью, ну просто Суламифь, да еще лет на семь младше, и звали ее Дина.

Дина была строгого воспитания и лишнего не позволяла, тянуть дальше не было сил, и Витька напросился на встречу с родителями. К встрече Витька готовился основательно, намерения его были серьезны, и настроен он был решительно. Дина позвонила и сообщила, что ждут его в пятницу в восемнадцать часов. Еле дождавшись пятницы, сразу после занятий Шишкеев нырнул на станции метро «Черная речка», ощутив неповторимый запах Ленинградского метрополитена, он смешался с толпой и обезличился. Вынырнул он на станции «Достоевская», выйдя на воздух и обретя индивидуальность, купил огромный букет роз. От метро пошел пешком, адрес он помнил наизусть – улица Рубинштейна, дом 16, квартира 9. Престижный район, хороший пятиэтажный дом кирпичного цвета, Витька вошел в подъезд, поднялся на третий этаж и уверенно нажал на кнопку звонка. Он знал, что выглядит неотразимо в ладно сидящей форме, с букетом и белоснежной улыбкой.

Дверь открыл невысокий полный мужичок, на нем просто было отчеканено – ХОЗЯИН, живыми с искринкой глазами он, не стесняясь, изучал гостя. За ним стояла сияющая, гордая Дина с матерью, эдакой незаметной хозяйшккой-хлопотуньей. Витька, как и полагается в таких случаях, представился:

– Виктор Васильевич Шишкеев.

Хозяин протянул руку для приветствия.

– Яков Аронович Зильбершухер.

Уверенность сразу пропала, Витька почувствовал себя униженным, ну какой на хрен Шишкеев супротив Зильбершухера. Выручила хозяйка, приняла букет и пригласила пройти. В зале за большим столом сидело человек пятнадцать. Только теперь Витька прочувствовал всю ответственность момента. Стол был шикарный, к его приходу готовились. Никакой банальщины с оливье и шпротами. Бульон с кугелем из лапши, фаршированные куриные шейки, индейка, фаршированная мацой... Разговоры велись нейтральные, расспросами Шишкеева никто не доставал, тосты произносил исключительно хозяин. Наступила кульминация, на стол водрузили блюдо с фаршированной щукой, благородное семейство смолкло. От рыбы отделили голову и торжественно преподнесли хозяину, после этого щуку быстро разобрали по тарелкам. Хозяин наполнил рюмку и наконец обратился к гостю.

– Ну так что молодой человек, вы имеете нам сказать?

От неожиданного оборота Витька растерялся, но все же сумел побороть смущение и взял себя в руки.

– Уважаемый Яков Аронович, я люблю вашу дочь и прошу ее руки. Уверен, что смогу сделать ее счастливой!

Он вытащил из кармана маленькую бархатную коробочку с недорогим колечком и торжественно, по-киношному протянул Дине. Взволнованная, раскрасневшаяся, озираясь на отца, девушка подарок приняла. Хозяин встал из-за стола и вытер губы накрахмаленной салфеткой.

– Ну что ж, предложение серьезное. Вот мы его серьезно и обсудим.

Взяв Витьку под руку, он увел его в кабинет.

– Если намерения ваши серьезны, то слушайте сюда. В стране перестройка – это, я вам скажу, еще тот цурес, таких неприятностей люди не видели даже во время Кишиневского погрома в 1903 году. Послушайте знающего жизнь еврея, не пройдет и года, как от ваших славных Вооруженных сил останутся только флаги и марши, а как я понимаю, все ваше имущество на вас. Заканчивайте, Витенька, свой военно-морской хедер, уволиться я вам помогу, слава Богу, есть еще приличные доктора в этом городе, и начнете работать у меня в гастрономе.

Витька к такому разговору готов не был и сидел молча уставясь на хозяина, тот продолжил:

– Ну что вы так переживаете, будто я вам предложил обрезание сделать или, не дай Бог, мою фамилию взять?

Шишкеев и без всякой еврейской мудрости понимал, просто задницей чувствовал, что времена наступают невеселые и первой жертвой будут люди служивые. В общем они договорились. С торжественным видом Яков Аронович вышел к семье, на него были устремлены напряженные взгляды, в которых читался вопрос – «Ну что?» Хозяин коротко подытожил:

– Свадьба будет весной!

Реакция была неоднозначной, счастливая Дина расплакалась, а тучная тетюшка в конце стола, обхватив голову руками, запричитала:

– Господи, матрос в семье, счастье, что родители не дожили...

Время шло, отыграли свадьбу, на радость всем Дина сразу понесла. В июне Шишкеев с отличием закончил академию, но, как и предсказывал тесть, поставили Витьке страшный диагноз – психические расстройства при резко выраженных и стойких психических нарушениях. С диагнозом Яков Аронович за ценой не постоял, постарался, так, чтоб обратной дороги не было. И если Витька о службе и сожалел, то где-то очень глубоко внутри. Тесть директорствовал в гастрономе на улице Радищева, рядом с Лиговским проспектом, и Шишкеев с головой окунулся в изучение торговой премудрости. В дела он вникал быстро, сказывалась флотская смекалка и уже вбитые в мозг и плоть дисциплина и болезненное отношение к порядку.

Если на страну в целом было наплевать, то у перестройки можно было найти маленькие индивидуальные прелести. В воздухе густо запахло приватизацией. Связи тестя и Витькина работоспособность и организованность сделали семью владелицей трех гастрономов. Семейный бизнес процветал. В 1998-м случился дефолт, его Яков Аронович не пережил, но помирал спокойно, умиротворенно, видел – семья в надежных руках, не ошибся он с зятем.

Теперь по праздникам голову от фаршированной рыбы подавали Витьке и вся зильбершухерская мишпуха крутилась вокруг него, признавая главой семейства.

К 2014 году Шишкеев уже имел торговый центр на проспекте Ветеранов, сеть супермаркетов «Морячок» и был в Питере человеком заметным. Жена радовала, родила четырех детей и стала еще краше. Семейная жизнь была устоявшейся, половые отношения были скучны, но стабильны. Строго воспитанная Дина никакой другой позы, кроме миссионерской, себе не представляла, не говоря уже об иных вольностях. Иногда Витька мечтал о разврате, что ни говори, а главный половой орган у мужика это – мозг. Но только мечтал, не более, несмотря на долгую семейную жизнь, он жену обожал и был предан семье, сходить налево у него и в мыслях не возникало, хотя в его пятьдесят пять ему больше сорока никто не давал и желающих с ним покувыркаться было предостаточно.

Жизнь была прекрасна и вызывала зависть, но с Витькой вдруг случилась хандра. Это бывает практически у всех мужиков в сложном возрасте и всегда вдруг. Просто какое-то беременное поведение в период обострения токсикации – все раздражает, ничего не хочется, от людей тошнит. За столом не высидеть – вилка слева, нож справа, коньяк из рюмочки... Витька еле себя сдерживал, ему хотелось вытащить пятерней зажелтевший семенной огурец из пыльной трехлитровой банки, так, чтоб не сразу, чтоб рука застревала, и водки самой простой из граненого стакана и много! А потом проорать неприличные частушки и послать на хрен очередного просителя из непомерно разросшегося семейства. Да, в конце концов, просто пукнуть – от души, громко, никого не стесняясь.

Дина Яковлевна думала, что это ненадолго и муж отойдет, успокоится, но процесс затянулся, и она собрала семейный совет. Предложений было много, и к доктору его, и бабу ему найти, и отправить подальше за границу отдохнуть, расслабиться. Обсуждение было горячим, каждое из предложений имело свои резоны, но Дина Яковлевна на правах жены все-таки настояла на поездке.

Билет на самолет и ваучер на заселение в отель Витьке вручили как ультиматум, и, не давая ему очухаться, уже утром следующего дня его вместе с чемоданом загрузили в машину. На всякий случай в аэропорт его сопровождала жена. Пулковской суеты они не замечали, после регистрации Дина успокоилась, пришло время прощаться. Странное дело, они оба почувствовали необычность ситуации – это было их первое в жизни расставание. На Витьку накатило, он обнял жену и зарылся лицом в ее пышные волосы, мощно втягивая в себя воздух, как бы запоминал запах любимой женщины.

– Что тебе привезти?

– Привези-ка ты мне, любимый, цветочек аленький, – пошутила Дина.

Витька бесцельно слонялся по магазинам Duty free, наконец по трансляции прозвучало:

– Пассажиры рейса АЗ 585 Санкт-Петербург – Салоники приглашаются на посадку, выход номер три.

Салон бизнес-класса был практически пуст, Шишкеев устроился справа у иллюминатора, а сзади в левом ряду мило ворковали какой-то папик и юная сученька из службы эскорта. Витька вытащил из кармана iPhone, чтобы включить авиарежим, на экране крупно высветилось – «16.12, среда, 3 сентября». За иллюминатором моросил дождик, Airbus A320 медленно выруливал на взлет, стюардесса, как глухонемым, объясняла пассажирам, как застегнуть ремень и надеть спасательный жилет. Самолет вырулил на полосу, остановился, страшно зашумел турбинами, затрясся весь, словно хотел кого-то напугать, и отчаянно ринулся вперед. Вне-

запно все стихло, строения за иллюминатором становились все меньше, хмарь осталась внизу,
за бортом сияло солнце.

До свидания, Питер!

День первый. Гетера

Мягкую посадку пассажиры встретили жидкими аплодисментами, как и положено, о завершении рейса объявил лично командир:

– Уважаемые дамы и господа, наш самолет приземлился в аэропорту Салоники, температура воздуха двадцать восемь градусов, температура воды на побережье двадцать пять градусов, местное время 16 часов 40 минут. Наш совместный полет подходит к концу, прошу всех оставаться на своих местах до полной остановки самолета, багаж вы сможете получить в левом крыле здания аэропорта, командир и экипаж прощаются с вами.

Трап подали быстро, первыми на выход пригласили пассажиров бизнес-класса. Выйдя на трап, Шишкеев остановился, волна теплого воздуха ударила в лицо. Витька вместе с женой объездил полсвета и заметил, что каждая страна пахнет по-своему и запах этот ощущается именно на трапе самолета. Он почувствовал непередаваемый запах моря, лаванды, цитрусовых, роз, шалфея и тимьяна – вот он, запах Греции.

После Пулково местный аэропорт показался Витьке игрушечным, скусающий пограничник не глядя шлепнул штамп в паспорт, багаж привезли быстро, а таможеню он вообще не заметил. На выходе толпились встречающие с табличками, на которых были названия отелей и турфирм, Шишкеев был VIP-клиентом, и его встречали с табличкой, на которой латинскими буквами была выведена его фамилия. Водитель, молодой разговорчивый парень с массивной золотой цепью на шее и такими же часами, погрузил чемодан в багажник мерседеса. Витька сел спереди рядом с водителем, так было удобней осматривать окрестности. Мягко шурша колесами по идеальному асфальту, они двинулись на юг в сторону полуострова Халкидики. Водитель оказался по совместительству гидом и без умолку трещал обо всем, что попадалось по пути. Витькин английский позволял им общаться без проблем. Наблюдая за водителем, он почему-то подумал: «Ему бы еще золотые зубы, и от нашего родного питерского цыгана не отличишь». Проезжая Кардию, парень обратил внимание на церковь Святого Спиридона и принялся о нем рассказывать. Шишкеев слушал вполуха, из динамиков негромко раздавалась какая-то местная танцевальная музыка, он расслабился и рассматривал пейзажи за окном. Витька задумался: «Вот ведь интересно, нищая Греция, в долгах как в шелках, а кругом чистота, порядок, ни одного свободного клочка земли, везде что-то растет, все ухожено, ни одного покосившегося дома... и вообще, куда ни плюнь, везде святое место». Такие наблюдения портили ему настроение, Шишкеев был патриотом России. Ехали недолго, минут тридцать, вот и Халкидики, если взглянуть на карту, то полуостров напоминал выдранный зуб, тремя корявыми корнями уходивший в Эгейское море, образуя живописные заливы Терманкос, Кассандра и Сингитикос.

Отель «Одиссей» утопал в цветах и зелени, у входа их ожидал юноша в униформе с постоянной таблеткой на голове. Он ловко выудил из багажника чемодан и увез его на золоченой каталке. В просторном холле Витьку встречали бокалом шампанского. Хоть он и относился к понтам без ажиотажа, все равно было приятно. Получив электронный ключ и золотую гостевую карту, он в сопровождении менеджера поднялся в лифте на пятый этаж. Номер 523, теперь на неделю это его дом. Номер люкс в лучшем пятизвездочном отеле на побережье был безупречен, просторная прихожая, ванная, отделанная мрамором, огромная двуспальная кровать, телевизор напротив в полстены, минибар, который был вовсе не мини, сейф, огромная веранда с плетеной мебелью и, конечно же, вид на море. На журнальном столике ваза с фруктами и бутылка вина – подарок отеля. Подоспел консьерж с чемоданом, Витька дал ему два евро на чай и закрыл за ним дверь. Положив чемодан на кровать, он стал разбирать вещи, все аккуратно развесив и разложив по полочкам, он облачился в шорты, футболку и шлепанцы. Выложил сто евро на трюмо для непредвиденных расходов и спрятал портмоне с документами и налич-

ностью в сейф, все расчеты предполагалось делать картой. До ужина Шишкеев решил прогуляться, провести разведку окрестностей. Пройдя мимо бассейна, он двинул в сторону пляжей, которые незаметно перешли в набережную марины, сплошь заставленной дорожками яхтами. Вдоль всей набережной небольшие магазины чередовались с семейными ресторанчиками, в воде около причалов плескалась кефаль. Вокруг отдыхала солидная публика, никакой шумной молодежи и тем более детей. Витька заглянул в бар и не спеша отцедил через трубочку стакан мохито с ромом. Все складывалось здорово, он планировал вечер – «сначала переоденусь и схожу на ужин, потом спать, а утром на пляж, заре навстречу!» – так мечтая, он не заметил, как добрался до номера. Дверь была приоткрыта, он вошел, посмотрел на трюмо, деньги лежали на месте, потихоньку прошел и заглянул в спальню, там горничная, убрав чемодан наклонилась над кроватью, расправляя складки покрывала. Юная гречанка напевала себе под нос что-то незатейливое, сиртаково-хороводное, покачивая в такт бедрами. Короткий халатик униформы задрался, и перед Витькой крупным планом предстала аппетитная оливковая попка в форме сердечка. План, как и принято на флоте, пришлось оперативно менять. С Шишкеевым произошла мгновенная метаморфоза, то ли подтвердился поставленный по знакомству давнишний диагноз, то ли еще что, но его предательски дрожащие руки опустились на девичий зад и жестко его зафиксировали. Поняв, что сопротивление бесполезно, девушка сдалась сразу и с энтузиазмом, от нее пахло Грецией. Потомственная гетера устроила ему поистине античные игрища.

Минут через сорок Витька сполз с кровати и нетвердой походкой направился в душ. Стоя под упругими струями, Шишкеев пытался шевелить мозгами: «Странно, симпатичная деваха, и фигура при ней, а зацепиться не за что. Завтра увидишь и не узнаешь, вот он, евростандарт долбаный! Кстати, надо узнать, как ее зовут, а то неловко, и обязательно отблагодарить». Он накинул белый банный халат и прошел в спальню, его встретила идеально заправленная кро-

вать, труженица тыла благоразумно исчезла, впрочем, как и купюра с трюмо. Бог с ним с именем, зато вопрос с благодарностью решен.

На ужин он не пошел, удобно расположившись на веранде, Витька пил красное вино и закусывал спелым инжиром. Солнце из-за горизонта из последних сил подсвечивало морской пейзаж, Шишкеев, ни о чем не думая, наблюдал за медленно исчезающим белым треугольником паруса. О происшедшем он не переживал, скорее он вообще об этом не думал, не говоря уже об угрызениях совести. Более того, если кто-нибудь сказал бы ему, что он изменил жене, то Витька набил бы ему морду с чувством полной своей правоты. Раздалась привычная мелодия мобильного, звонила жена. Шишкеев обрадовался, как ребенок.

– Алло, Диночка, привет!

– Привет, ну как ты там устроился?

– Устроился отлично, номер хороший, завтра начинаю пляжный отдых. Как дома?

– Все хорошо, не волнуйся, отдыхай.

– Диночка, я очень тебя люблю и уже скучаю!

Витька был настолько искренен, что глаза его увлажнились. Он действительно очень любил жену и уже начал по ней скучать.

День второй. Мадонна

Разметавшись по кровати, Шишкеев дотягивал последние минутки сладкого утреннего сна. Солнечный лучик, прокравшись через неплотно задернутые шторы, узкой полоской освещал его лицо, Витька подергивал веками, как бы пытаясь стряхнуть его ресницами, но свет становился все ярче и все настойчивей. Он потянулся, взглянул на часы – половина десятого, хватит валяться, подъем. В нем проснулся Сталлоне. Витька принял душ, побрился, сбрызнул лицо модным в этом году одеколоном Расо Rabanne и уложил волосы на безупречный пробор. Светлые льняные брюки, шелковая цветастая гавайка и мокасины из тончайшей кожи завершили образ. Оглядев себя в зеркало, Шишкеев остался доволен. В лифте с ним спускалась немолодая пара. Приветливо улыбнувшись, женщина поздоровалась:

– Привет!

Витька ответил. На этаже ресторана он вышел, вслед раздалось:

– Хорошего дня!

На входе в ресторан его встречала симпатичная девушка-администратор, улыбаясь в тридцать два зуба, она поприветствовала его на греческом и английском. У Шишкеева мелькнуло: «Что ж вы все такие доброжелательные, такие улыбочивые, так и рожа может треснуть!» Он огляделся, с левой стороны просторный зал с видом на море, справа витрины с едой. Продукты и блюда, выставленные на завтрак, могли удивить даже избалованного гурмана. Витька любил простую здоровую пищу и поэтому на завтрак выбрал пышный омлет с беконом и колбасками, зажаренными на гриле, спелый помидор с козьим сыром и оливками, свежавыжатый апельсиновый сок и кофе с десертом, украшенным кистью красной смородины. Люди вокруг ели не спеша, насыщая вкусовые рецепторы и получая истинное наслаждение – на древней земле богов и пища была божественной. Шишкеев справился с завтраком за пять минут, по старой флотской привычке он ел быстро, скорее даже не ел, а бакланил.

Поднявшись в номер, он переоделся в пляжное – надел плавки-шорты, футболку без рукавов, солнцезащитные очки и шлепанцы. В десять часов на пляже уже было полно народа, солидная публика выползала к морю пораньше, чтобы успеть принять воздушные ванны до полудня, а после они появлялись на пляже уже часам к шестнадцати. Витька занял шезлонг в первом ряду у воды, ему тут же поднесли два пляжных полотенца. Одно он постелил на шезлонг, а второе подложил под голову. Погревшись на солнышке, он решил поплавать. Вода была теплой, но освежающей. Заплыл Шишкеев далеко, море было таким прозрачным, что он не напрягаясь мог рассмотреть дно. До него вдруг дошло, почему в Европе не принято писать в море – это было бы то же самое, что зайти в Лувр и плюнуть на «Мону Лизу». Выйдя на берег, он прошелся вдоль пляжа. Витька заметил, что загорающие дамы откровенно проявляют к нему интерес, он был в отличной физической форме. Отыскав свой шезлонг, надел очки и лег загорать. Рядом с ним расположилась пожилая чета, судя по разговору, немцы. Шишкеев незаметно их изучал, лет за семьдесят, но стариками назвать язык не повернется, дама с модной стрижкой, маникюр, педикюр, мужчина подтянут, аккуратные усики щеточкой и идеальный седой бобр на голове. Судя по ювелирке дамы и некоторым аксессуарам у мужчины, люди они были не простые, вернее, совсем не простые, простых здесь не было вообще.

Мужик разложил на столике под зонтом миниатюрную шахматную доску и попытался сам себя обыграть. Витька немного играл в шахматы и решил помочь.

– Попробуйте конем F3 – G5.

Немец подсказку оценил и на хорошем английском пригласил Шишкеева на партейку. Витька честно его предупредил:

– Давайте попробуем, только я не гротсмейстер.

– Ну, я тоже не Бобби Фишер. Меня зовут Горст – это моя жена Агна, мы из Берлина.

– Виктор из Санкт-Петербурга.

Услышав, что сосед из России, немец неподдельно обрадовался. Уже к концу второй партии они знали друг о друге многое. Оказалось, что Горст и Агна – владельцы контрольного пакета акций знаменитого торгового центра Ka De We в Западном Берлине на бульваре Курфюрстендамм, основанного его предком Адольфом Джендорфом в 1907 году.

Горст вытащил изящную фляжку.

– Вик, не возражаете закрепить наше знакомство коньяком?

– С вами, Горст, с удовольствием!

Старик располагал к себе, а с учетом того, что они занимались родственным бизнесом, в будущем знакомство могло стать еще и полезным.

Ближе к полудню пожилая чета засобиралась. Агна помахала рукой:

– Вик, приятно было познакомиться, надеюсь, составите нам компанию за ужином?

– Непременно и с удовольствием!

Витька лежал под незлым сентябрьским солнцем, двадцать грамм великолепного коньяка расслабили, и он уснул. Снился ему Питер, дом и многочисленное семейство, жизни без которого он себе не представлял.

С трудом разлепив глаза, Шишкеев с хрустом потянулся, резко встал и пошел окунуться. Вдоволь наплававшись, он вытирался полотенцем и думал, чем занять себя до вечера, и тут мимо него прошла, а скорее, пронесла себя молодая женщина. Витьку как током ударило – это было само совершенство, как будто высеченная из каррарского мрамора, добываемого в Апуанских Альпах, она медленно удалялась в сторону набережной. Он усиленно вращал извилинами: откуда она могла быть ему знакома? Ну наконец вспомнил – Соборная церковь Богоматери в городе Брюгге, Мадонна с младенцем, созданная великим Микеланджело Буонарроти в 1505 году. Только эта Мадонна была без младенца, что оставляло некоторую надежду. Набросив майку, он бросился вслед за ней, он еще не знал, как к ней подойти и о чем говорить, но знал наверняка, что упустить ее не должен.

Догнав Мадонну у таверны «Золотая креветка», Витька запыхавшимся голосом задал странный вопрос:

– Извините, вы не подскажете, где здесь можно перекусить?

Он пожирал ее глазами, и было понятно, что еда интересует его меньше всего. Она расхоталась.

– Так со мной еще никто не знакомился!

Они присели за столик и заказали розовое вино и жареную барабульку. Беседа не клеилась, разговорить прекрасную незнакомку оказалось совсем не просто. После серии анекдотов, которые, скорее всего, она не поняла, Витька коротко рассказал о себе, опустив семейное положение, партийность и вероисповедание – это было уже совсем личное. Из короткой ответной исповеди он понял, что девушке за тридцать, она итальянка, родом из города Сполетто, и принадлежит семье Монини – самому крупному в Италии производителю оливкового масла. О чем говорить с прекрасной итальянкой? Шишкеев напрягся, вспоминая свои курсантские бледения в Эрмитаже. Его прорвало, он без умолку рассказывал о творчестве Леонардо да Винчи, Рафаэля и Микеланджело. Он считал, что для итальянцев эпоха Возрождения настолько же близка, понятна и желанна, как для мичмана тушенка. Однако по реакции Мадонны этого не чувствовалось, ему даже показалось, что она заскучала. На всякий случай он решил рассказать еще и про великого флорентийца Бенвенуто Челлини. Когда Витька дошел до самой известной его работы – статуи Персея с головой Медузы Горгоны, Мадонна его прервала:

– А когда ты пригласишь меня в свои апартаменты?

Шишкееву почему-то вспомнился анекдот про блядь и барометр.

В номере они выпили по бокалу красного вина, и его новая знакомая отправилась в душ. Так жадно в своей жизни Витька ждал только раз в жизни – первого увольнения в город. Минут через пять появилась Мадонна, халат соскользнул с ее плеч к ногам, Шишкеев как заколдован-

ный рухнул перед ней на колени, остекленевший взгляд уперся в зрелую тридакту, манящую коварными створками...

Через час, проводив Мадонну, разбитый и разочарованный Витька валялся на кровати и с грустью рассуждал: «Не женщина – статуя, во всех отношениях статуя! Нет, все-таки лучшее, что есть в Италии, – это макароны!»

Вечером, вспомнив про обещание, он поспешил в ресторан. Горст и Агна ожидали его за столиком. Они заказали по бокалу вина и внимательно изучали меню. Длилось это недолго, Горст с шумом захлопнул массивный переплет меню.

– Вик, к черту приличия! Хватит цедить эту кислятину! Я знаю только два народа в мире, которые любят и умеют пить – это русские и немцы! Давай закажем водки и гороховое пюре с жареной свиной рулькой.

Предложение было принято на ура. Агна, как бы по секрету, сообщила:

– Горст очень волновался, он думал, вы из новых русских, которые из кожи вон лезут, чтоб их считали европейцами.

Литровая бутылка греческой водки «Узо», дымящееся гороховое пюре и зажаренная до корочки рулька сблизила их необычайно. Горст, несмотря на возраст, оказался крепышом и пил наравне с Шишкеевым. В ресторане уже никого не осталось, водка была почти допита, и компания перешла к творческой части. Пели по очереди, сначала Витька – «Подмосковные вечера», потом Горст – «Ауфидерзейн майне кляйне», и понеслось. Когда в очередной раз наступила очередь Горста, он попытался встать, усы его воинственно затопорщились, взгляд устремился к потолку, и он с чувством запел «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес...». Агна силой усадила его на место и выпалила что-то злобно по-немецки. Горст прослезился.

– Вик, клянусь кровью Христовой, нет народов ближе, чем немцы и русские! Почему так несправедлива жизнь? Почему на протяжении веков нас сталкивают лбами?

Шишкеев ответил заплетающимся языком, но идеологически выдержанно:

– Просто такой союз – это кирдык всем остальным.

Прощались они у лифта, Агна сообщила, что послезавтра приезжает их племянница Хильда.

– Вик, не уделите ей внимание?

Не в силах больше говорить, Витька утвердительно мотнул головой.

Добравшись до номера, он рухнул на кровать, но заснуть не получилось, как только он закрывал глаза, его начинало вращать вокруг собственной оси, и появлялись тошнотворные позывы.

Раздался телефонный звонок.

– Слушаю, – скорее выдохнул, чем произнес Шишкеев. Звонила жена.

– Дорогой, как ты там?

– Плохо.

И, громко икнув, добавил:

– Без тебя.

И это было сущей правдой.

День третий. Ваша милость

День не задался с самого начала, отравленный алкоголем организм отказывался бороться за жизнь. Витька с отвращением рассматривал себя в зеркало: помятая морда, взгляд спаниеля-неудачника, и ко всему еще противно подсасывало под ложечкой. В голове, как испорченная пластинка, вращался шедевр соцреализма – «Утро, утро начинается с рассвета...» Витька начинал злиться: «Ну кто это сочинил? Гений хренов, а вечер начинается с заката! Так, что ли?» Кое-как приведя себя в порядок, он спустился в ресторан. Есть не стал, просто физически не смог, выпил пять стаканов апельсинового сока и пошел на пляж, у него была своя программа восстановления. Бросив вещи на шезлонг, он, как лось через горящий лес, двинул к воде, по пути опрокинув зонт и наступив на чью-то пляжную сумку. Шишкеев поплыл, поплыл подальше от берега, только серьезная физическая нагрузка могла привести его в чувство. Бдительная служба спасения выслала за ним катер, молодой человек в униформе, перегнувшись через борт, что-то горячо ему объяснял на греческом, Витька с достоинством ответил по-русски:

– Отвянь, ботва! Не видишь, звездный заплыв.

Спасательный катер, держась на почтительном расстоянии, сопровождал Шишкеева до пляжа. Из воды он не вылез, залег у берега. Голову положил на песок, а тело омывали воды Эгейского моря. Желание жить постепенно наполняло тело. Перед его глазами появились две стройные, ухоженные ноги с аристократическими лодыжками. Ноги заговорили:

– Извините, как вы себя чувствуете? Может быть, вам нужна помощь?

Витька насторожился, это был настоящий английский язык, более того, лондонский диалект, последний раз такое произношение он слышал в лингафонном кабинете училища. Шишкеев с сожалением констатировал, что он не камбала и рассмотреть все, что выше колен, не в состоянии. Витька приподнялся на руках и резко встал, его загорелое тело играло мышцами. Перед ним стояла стройная дама без возраста. Ей можно было дать и тридцать, и пятьдесят, ее холеное тело и осанка говорили о том, что дама из высшего общества, лицо и не красивое, и не уродливое, с незаметным макияжем. Как женщина она была ему неинтересна, а вот попрактиковать с ее помощью произношение – это было бы неплохо.

– Мэм, заранее прошу прощения за мой английский, но мне действительно нужна ваша помощь. Я собирался сегодня пообедать в рыбацкой деревне, не составите мне компанию?

Шишкеев видел, как она незаметно его рассматривает, и ему показалось, что у нее загорелся глаз.

– Какой вы хитрец! Планов у меня на сегодня никаких, и ваше предложение я, пожалуй, приму.

– Вот и здорово, встречаемся в холле в пятнадцать тридцать.

Он откланялся и пошел в отель. В номере он вытащил из минибара все имевшееся пиво и расположился на веранде. Холодное пиво Fix завершило процесс реабилитации. Рассматривая пустую бутылку, Витька подумал: «А ведь даже пиво у греков неплохое», – по телу разлилось тепло, и глаза начали слипаться. Восстановительный сон продлился до пятнадцати часов, Шишкеев почувствовал, что готов к труду и обороне, и встал. Тщательно приведя себя в порядок и одевшись соответствующим образом, он сделал одеколоном контрольный пшик в голову. Ровно в пятнадцать тридцать он стоял в холле, держа в руке алый цветок гибискуса на коротком стебле. Дама появилась с королевским зазором, через десять минут, с легким поклоном головы приняла цветок, и они сели в поджидавший их мерседес. До Феофалоса добрались быстро, успев перекинуться лишь парой фраз. В трактире они расположились на веранде, которая практически нависала над морем. Завидев солидную пару, к ним поспешил шеф-повар.

– Добрый день, господа! Как устроились?

– Спасибо, все хорошо. Что посоветуете из морепродуктов?

– Весь улов сегодняшнего дня к вашим услугам. Обратите внимание на тигровые креветки на гриле, фаршированные кальмары, копченые мидии в оливковом масле и морского петуха под сливочным соусом с розовым перцем. Пиво, вино и водку мы делаем сами.

Шишкеев обратился к спутнице:

– Что будете пить, Кэтрин?

– О Виктор, мы должны попробовать все! Это же так интересно.

«Виктор» она произносила с ударением на последний слог.

Официанты быстро принесли зелень, сыр, овощи, оливки и пиво. Помня вчерашний день, Витька твердо решил, что боевой настрой новой знакомой не поддержит. Ему показалось, что Кэтрин задумалась.

– Вас что-то беспокоит?

– Нет, просто думаю о своих детках.

Шишкееву стало стыдно, он о своих в данный момент не думал.

– И много их у вас?

– Шестнадцать.

Она с хитрым прищуром смотрела на обалдевшего Витьку.

– Видите ли, Виктор, я так называю моих лошадок, я обожаю их и скучаю по ним. Мои конюшни находятся на северо-западе от Лондона, в Хоридже. Там я провожу все свободное время.

Видимо, она действительно любила лошадей. Кэтрин взахлеб рассказывала об их стати, характерах, способностях к обучению и успехах на скачках. Витька в диалог не вступал, потому как оценить лошадь мог только по качеству конской колбасы. Улучив момент, когда она пила пиво, он с видом знатока произнес:

– Не каждый может позволить себе иметь собственные конюшни.

– О Виктор, простите, я не представилась – Кэтрин Суини, герцогиня Аргайл.

Герцогиня Аргайл вела свой род от Джорджа Эдвардса Кэмпбелла, восьмого герцога Аргайла, и леди Элизабет Джорджины Левенсон-Гувер, хоть она и не была из королевской семьи, но раз в году в день рождения всебританской бабушки ее допускали облобызывать королевскую ручку, и, конечно же, иметь собственные конюшни ей было не в тягость.

Шишкеев вытянулся, как на подъеме флага, и склонил голову.

– Ваша милость.

– Бросьте, Виктор, я здесь инкогнито, так что зовите меня просто Кэтрин.

Принесли вино и мидии. Закончив с пивом, герцогиня без перерыва принялась за вино.

– Знаете, Виктор, хочется отдохнуть от этого удушающего этикета, расслабиться и побыть самой собой. Вы, кстати, ничего не рассказывали о себе.

Витька задумался: «Чем может удивить человек, рожденный на берегу реки Шишкеевки, человека рожденного на берегах Темзы?» – но служба на флоте приучила выкручиваться из любых ситуаций. Он поднял бокал с вином.

– Кэтрин, я хочу выпить за любовь! За вашу любовь к лошадям!

Растроганная герцогиня залпом осушила бокал с вином.

Официант принес креветки, фаршированные кальмары и запотевший графинчик с анисовой водкой. Налил водку в высокие узкие рюмки и удалился. Кэтрин взялась за креветку, она аппетитно раздирала ее руками, уделав всю скатерть. Наплевав на приличия, она с шумом высосала сок из головы, махнула рюмку водки и не спеша закусилась членистоногим. Видимо, ее безмерная любовь к лошадям распространялась и на спиртное – пила она как лошадь. Через пятнадцать минут графинчик обновили, Витька как замороженный наблюдал за титулованной британской аристократкой, себе он уже не наливал. Через полчаса, так и не попробовав морского петуха под сливочным соусом с розовым перцем, он грузил сопротивляющуюся герцогиню в машину. Кэтрин настойчиво требовала продолжения банкета, разумеется, Витька оставить ее в таком состоянии не мог и решил проводить Кэтрин до апартаментов. Это было ошибкой. Она жила на девятом этаже в двухуровневом номере, и спальня располагалась наверху.

– Виктор, неужели вы бросите меня в прихожей, помогите мне подняться наверх.

В спальне она недвусмысленно начала шарить по шишкеевскому животу похотливыми ручонками, обдавая его на выдохе перегаром из свежего алкогольного микса. Витька обреченно понял, что в сложившейся ситуации легче отжаться, чем объяснить, почему не хочешь.

– Ну что ж, говоришь, лошадок любишь?

Витька резким движением развернул герцогиню, взял ее в жесткий шенкель и погнал галопом. Она активно участвовала в процессе, задирала верхнюю губу, оголяя десну, морщила нос и хрипела, как загнанная лошадь...

Шишкеев тихонько лежал, наблюдая за Кэтрин. Глаза закрыты, не шевелится, дыхание ровное, слава Богу, уснула. Он сел на кровати и, стараясь не шуметь, натянул трусы, и в этот момент на его плечо легла рука. Побег был пресечен в зародыше. Герцогиня вернула Витьку в исходное положение и, как заправская наездница, вскочив верхом, оседлала его. У Шишкеева мелькнула мысль: «Второго заезда я не вынесу!» Вековые козни Британии против России наконец нашли практический выход.

Вечером, лежа у себя в номере, Витька боялся уснуть, не дай Бог приснится герцогиня. Он позвонил жене.

– Диночка, привет! Чем занимаешься?

Она знала его как облупленного и по голосу почувствовала его настрой.

– Ты мне лучше скажи, ты там не заболел случайно?

– Нет, родная, просто я хочу тебе сказать, что ты самая лучшая жена в мире и мне без тебя тяжело.

И, наверное, не было в этот момент на свете мужика, так сильно любящего свою жену.

День четвертый. Сваебойная машина

Шишкеев завтракал в одиночестве, знакомых немцев почему-то не было. Ему было не по себе, и, чтобы обрести душевное равновесие, он решил вместо пляжа отправиться в спа-центр. В холле Витьку встретила молодая сотрудница в униформе.

– Чем можем вам помочь?

«Господи, да чем ты можешь помочь израненной русской душе, еврокукла хренова», – подумал Шишкеев и на понятном ей языке поставил задачу:

– Мне нужно восстановить энергетический баланс организма.

Девушка с уважением посмотрела на Витьку и отвела, видимо, к самому лучшему мастеру. В маленькой уютной комнатке, задрапированной красным атласом, вышитым золотыми драконами, напротив Шишкеева в позе краба сидел отрешенного вида шупленький мужичка с сильным прищуром, что выдавало в нем принадлежность к одной из иглоукалывающих народностей. Мастер молча налил в маленькие глиняные чашечки ароматный чай. Осушив в полной тишине уже пятую чашку, Витька хотел встать и послать этого адепта карм и чакр куда подальше, но как раз в этот момент тот жестом пригласил его подняться. Через пять минут Шишкеев лежал на полке хорошо прогретой сауны, мастер поливал камни какой-то секретной смесью. Несколько раз глубоко вдохнув, Витька отключился.

В себя он пришел на теплом мраморном подиуме, ему казалось, что мастер залез своими руками ему в живот и методично проверяет, все ли органы на месте. Витька решил облегчить ему задачу:

– Аппендикса нет, вырезали еще в детстве.

Мастер шутку не оценил и перевернул его на живот. Обильно полив спину ароматным маслом, он начал прорабатывать каждую мышцу. Больно не было, пришло ощущение легкости и покоя. Потом были травяные мешочки, горячие камни и массаж головы.

Из спа-центра Шишкеев вышел перезагруженным. Тела он не ощущал, а мысли были упорядочены, нехорошие воспоминания улетучились. Витька прогуливался по причалам марины и с интересом рассматривал яхты. У них с женой был вечный спор, что лучше – купить дом где-нибудь на побережье или яхту, чтоб не привязываться к месту, а иметь возможность путешествовать по всему миру. К согласию они не пришли, и поэтому задумка оставалась нереализованной. Стоит ли говорить, что Шишкеев был сторонником покупки яхты. Витка остановился рядом с белоснежной красавицей – парусным катамараном Lagoon 620. Французские инженеры смогли совместить все прелести парусной яхты с преимуществами моторной. В кокпите показался загорелый до неприличия мужик, на вид Витькин ровесник, он глянул на Шишкеева и крикнул:

– Привет, братишка, ты откуда?

– Из Питера.

Вот феномен, как русские люди за границей безошибочно определяют своих?

– Интересуешься? Заходи.

Витька поднялся на борт, снял обувь и поздоровался. Мужик оказался капитаном, родом он был из Керчи, как и Шишкеев, служил на флоте, а теперь вот работает на богатых иностранцев. Он устроил Витьке экскурсию по яхте, это было двести квадратных метров счастья с двумя мощными дизелями и прекрасным парусным вооружением. Пожелав удачи и попрощавшись, Шишкеев двинул в ресторанчик со странным названием «Морской заяц». Витька заказал салат с креветками и бокал белого вина. Заморив червячка, он не спеша направился в отель. Оглядывая по пути окрестности, Шишкеев пришел к выводу, что природа здесь гораздо беднее, чем на южном берегу Крыма, но почему-то здесь было куда уютнее, чище и, главное, никаких заборов. Проходя мимо пляжа, он заметил Агну и Горста и направился к ним. Они

были милыми, добрыми людьми, и Витьке было приятно общаться с ними. Первой его увидела Агна и помахала рукой.

– Привет, Вик! Горст с утра ворчит, говорит, что не с кем сыграть в шахматы.

– Рад вас видеть!

Шишкеев галантно приложился к руке Агны, а с Горстом обменялся крепким рукопожатием.

– Горст, где вы были утром? За завтраком я мучился в полном одиночестве.

– Мы встречали нашу племянницу, сейчас она наплавается, и я вас познакомлю.

Далеко от берега, как поплавок на волнах, маячила голова в голубой силиконовой шапочке.

– Может быть, пока партию?

Витька снял рубашку и сел под зонт напротив Горста. Тот протянул ему руки с зажатыми в кулаках фигурками. Шишкеев недолго думая шлепнул по правой, кулак раскрылся, и на ладони оказалась черная пешка.

– Видимо, сегодня не мой день.

Витька расставлял на доске черные фигуры, он и не подозревал, насколько это был не его день.

– Агна, а ваша племянница не слишком далеко заплыла?

– Что вы, она у нас девушка спортивная.

Игра не клеилась, Шишкеев сдавал фигуру за фигурой, Горст в предвкушении победы потирал руки.

– А вот и наша Хильда!

Витька повернулся к морю, из воды твердой поступью выходил совершенный немецкий механизм неопределенного пола. Увидев некоторое замешательство на Витькиной физиономии, Горст пояснил:

– Хильда чемпионка Берлина по бодибилдингу.

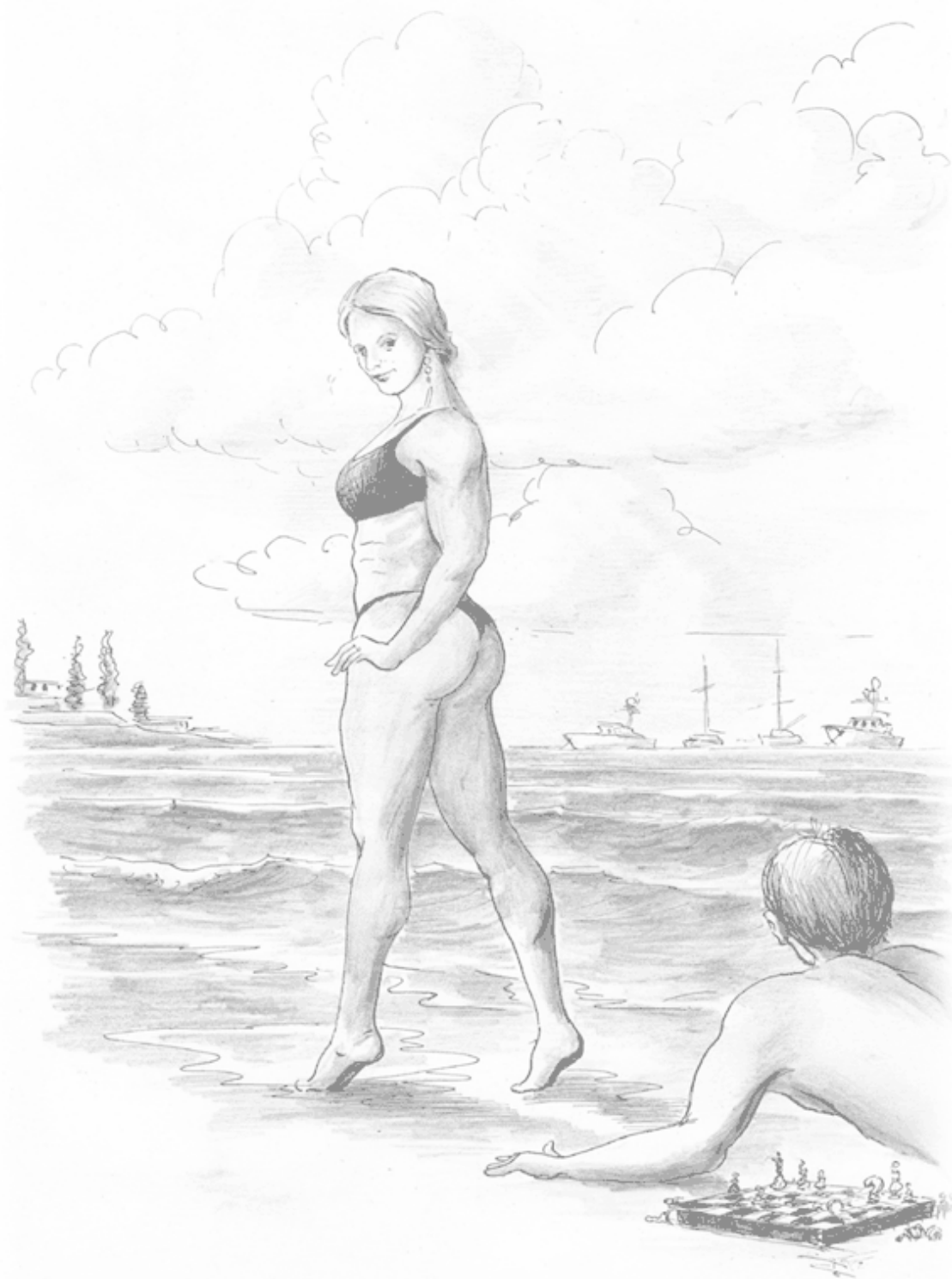
Шишкеев не знал, как с ней поздороваться, то ли за руку, как с мужиком, то ли поцеловать руку. В конце концов он встал, кивнул головой и представился:

– Виктор, добрый знакомый вашего дядюшки и вашей тетушки.

Поставив эффектный мат, Горст, в прекрасном расположении духа, предложил отметить приезд Хильды. Вся компания двинулась в ресторан. Столик заняли на открытой веранде, рядом с фонтаном. Вскоре на столе оказалось французское шампанское на льду и клубника со сливками. Хильда шампанского не пила, она цедила через трубочку какой-то энергетический напиток.

Хильде было под тридцать, она была не замужем, что немудрено при ее любви к бодибилдингу, но она не была и типичной спортсменкой, окончила юридический факультет университета Гумбольта в Берлине и работала в семейном бизнесе, так что спорт для нее был скорее увлечением.

Незаметно за разговорами наступил вечер, Горст и Агна решили пойти отдохнуть в номер, а Хильда выразила желание прогуляться по парку. Шишкеев спать не собирался и предложил ей свою компанию. Они раскланялись со стариками и не спеша двинулись в сторону парка. Разговаривали о Греции, о море и, пройдя по парку, вышли к марине, перед ними раскинулся волшебный пейзаж. Желто-красный диск медленно уходил за горизонт, море меняло цвет – становилось тревожно-темным. Они как замороженные стояли на причале, пока солнце полностью не скрылось за горизонтом. Хильда, продолжая смотреть на море, предложила перед сном окупаться.

– С удовольствием, только у меня нет с собой плавков.

– А у меня нет купальника, будем плавать голыми.

Витька как женщину ее не воспринимал в принципе и с легким сердцем согласился. Никогда раньше ночью он не купался и с удовольствием познавал новые для себя ощущения. Прогрешееся за день море нежно ласкало тело, вокруг ни души, только он и Хильда, полная

тишина, и только звук всплесков от ее мощных гребков, убегаящая вдаль лунная дорожка и немного пугающая темная вода.

Когда они вышли на берег, Хильда взяла Шишкеева за руку и слегка прижалась к нему, как бы приглашая на танец. Витька не сообразил, что происходит, и удивленно смотрел на бодибилдершу. Его растерянное молчание она восприняла как согласие, а может, даже решила, что Витька онемел от счастья. Видя, что ее кавалер не в себе, Хильда сразу взяла процесс в свои руки. Витька и глазом не успел моргнуть, как оказался на шезлонге, Хильда придавила его мощным телом и что-то страстно шептала на лающем немецком языке. Шишкееву казалось, что в переводе это будет звучать как «Рус, сдавайся, сопротивление бесполезно!» Он попытался высвободиться, но не смог пошевелить даже конечностями. Ну куда на фиг с десятью подтягиваниями и тремя подъемами с переворотом против чемпионки Берлина по бодибилдингу. Физически он был сломлен, но не сломлен был его дух. Витька отчаянно симулировал полное отсутствие эрекции, но Хильда быстро его раскусила и нашла слабое место в обороне. И тогда в полном отчаянии Витька решился на крайнюю меру, он собрал остатки сил, напрягся и громко пукнул. Он чувствовал себя героем, взорвавшим себя и противника гранатой. Откуда ему было знать, что для немца пукнуть не зазорно даже за столом, это все равно что чихнуть или кашлянуть.

Хильда добила своего, мощная немецкая машина, не зная поломок и сбоев, монотонно вбивала сваи. Раздавленный Шишкеев отрешенно смотрел на небо широко раскрытыми глазами, ему вспомнился монолог раненого князя Болконского под небом Аустерлица.

Конечно, происходящее назвать сексом нельзя было даже с натяжкой, это скорее была изощренная месть за поражение во Второй мировой. Однако дело шло к развязке, неожиданно отчетливо зазвучала тревожная музыка Вагнера, кажется, «Полет валькирий», Хильда изогнулась, замерла и рухнула на Витьку, под ним с треском переломился шезлонг. Витька прикинулся мертвым. Счастливая Хильда с шумом, в облаке брызг, как сказочная Брунгильда, издавая победный клич Нибелунгов, погружалась в море. Воспользовавшись моментом, подхватив штаны и рубашку, Шишкеев, прихрамывая, припустил в сторону отеля.

Забежав в номер и закрыв дверь на замок, он на всякий случай подпер ее тумбой. Стоя перед зеркалом и пересчитывая раны, Витька пришел к выводу, что немецкий секс сродни русскому бунту – такой же бессмысленный и беспощадный.

Тошно было Витьке, рука сама потянулась к телефону, палец безошибочно ткнул в строчку «Дина».

- Ну слава Богу, я уже думала, что сегодня не позвонишь. Как отдыхается?
- Диночка, да разве без тебя отдых! Дни считаю, хорошо, осталось немного.
- Что-то мне не нравится твое настроение. Случилось что?
- Да пообщался тут на пляже с одним нехорошим человеком.

Шишкеев был настолько искренен в своей вере в невинность, что даже не стал ничего выдумывать.

- Витенька, плюнь, выбрось из головы, забудь, как будто ничего и не было.
- Постараюсь, любимая.

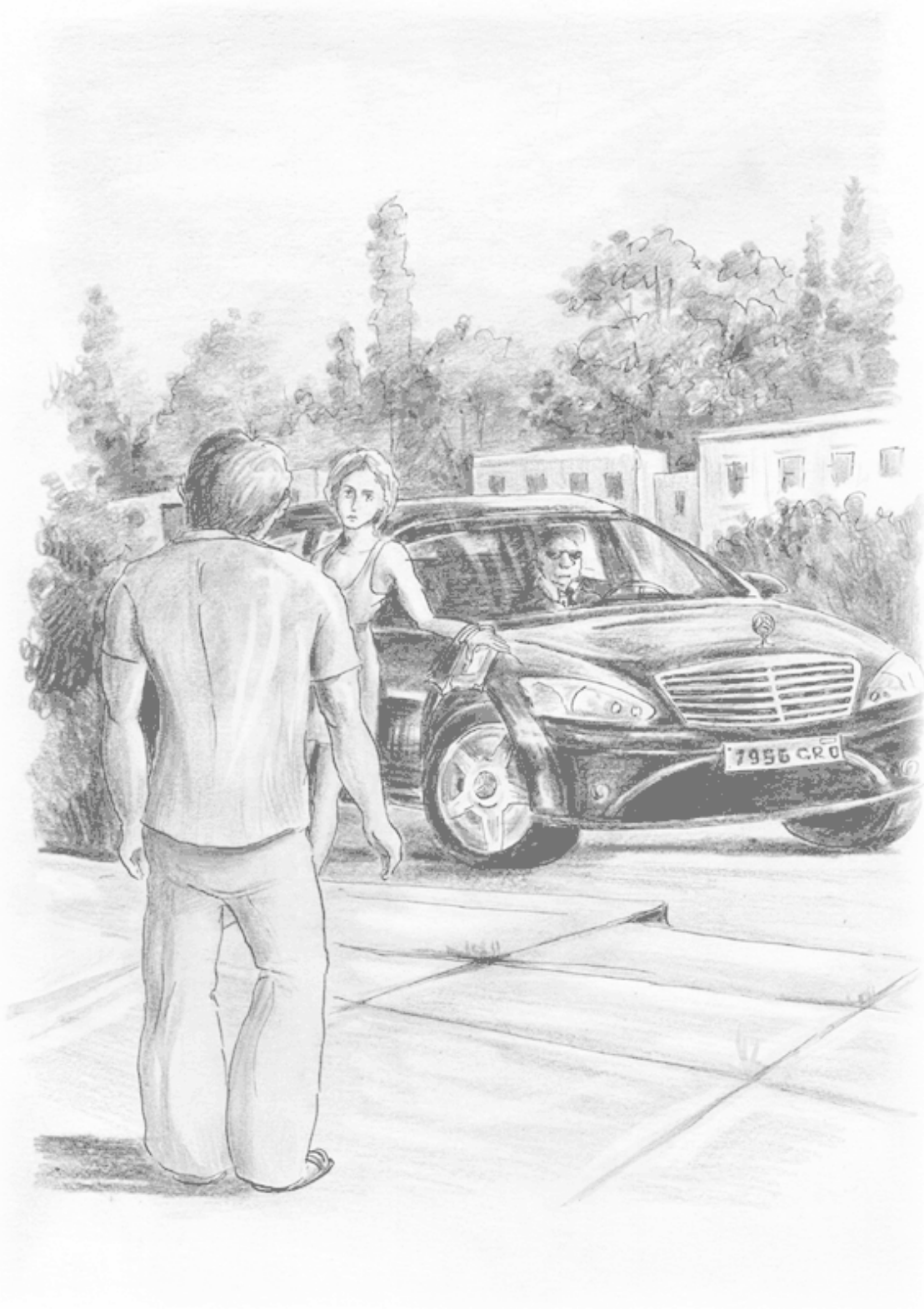
День пятый. Парижанка

Шишкеев встал ни свет ни заря, быстренько умылся и рванул на завтрак. Ресторан был пуст, Витька был первым посетителем. Раскланявшись с улыбочивым администратором, он на скорую руку перекусил и вернулся в номер, уж очень ему не хотелось встречаться с немецким семейством. На пляж тоже идти было нельзя, потому что Горст с женой и племянницей будет там ровно в девять тридцать со всей своей немецкой пунктуальностью. Чтобы чем-нибудь занять день, Витька решил съездить в Салоники за подарками для домашних. Он заказал по телефону машину и стал собираться. В холле отеля к нему подошел распорядитель.

– Господин Шишкеев, вы не будете возражать, если вместе с вами до торгового центра доедет мадам Дюваль?

Витька был не в духе «Ну тупые, какая мне на хрен разница, Дюваль или еще какая-нибудь мадам Бланк. Я что, с ней знаком?»

– Нет, не возражаю.

Он вышел на улицу, мерседес с логотипом отеля стоял у центрального входа, за рулем сидел знакомый водитель. Около машины его поджидала женщина лет сорока, стройная, русоволосая, совсем не симпатичная, в легоньком льняном платье, бежевых балетках и с модной сумкой в руке. Она как бы воплощала в себе основные принципы французской моды – минимум косметики, вещи должны украшать фигуру, важно качество, а не количество, минимум

аксессуаров, и, конечно же, женщина должна быть ухоженной. Шишкеев открыл заднюю дверь, приглашая ее в машину. Она мило улыбнулась и поблагодарила:

- Спасибо за понимание.
- Не за что. Надеюсь, поездка будет приятной.

Утром было еще не жарко, и водитель не стал включать кондиционер, он просто опустил стекло. Витька с удовольствием вдыхал ароматы Греции. Молчание становилось неловким, и мадам ненавязчиво его нарушила:

- Надеюсь, не очень вас стеснила?
- Ну что вы, забудьте.

Она протянула ему руку:

- Меня зовут Колет.

Шишкеев, от греха подальше, руку целовать не стал, а слегка сжал ее в своей ладони.

- Виктор.
- О, легко запомнить, вы тезка великого Гюго.

Колет решила, что пришло время познакомиться поближе. Слегка грассируя, она рассказала, что родом из Парижа, и сейчас она с мужем и двумя детьми живет в собственном доме в престижном районе Гарш на западе от столицы, и еще у них квартира на улице Бельшас, на берегу Сены, недалеко от музея Орсе, имеющего репутацию культурного центра современного Парижа. У мужа бизнес на севере Франции, он производит кальвадос.

– Так что, Виктор, если увидите бутылку Boulard или Pere Magloire, знайте, это продукция нашего семейства.

Витька задумался: «Франция, Франция, чем же ты знаменита – французы построили Эйфелеву башню, Версаль, собор Парижской Богоматери, написали про трех мушкетеров, придумали минет, французский поцелуй, и еще вспомнился французский насморк».

- Да, Колет, поистине Франция великая страна.

Все французы немножко националисты, и от такой похвалы парижанка слегка зарделась.

Немного не доехав до города, они остановились у крупного торгового центра Mediterranean Cosmos. Это был самый большой торговый центр в округе, кроме большого количества магазинов и ресторанов там имелся парк аттракционов и даже собственная церковь.

Шишкееву было интересно, как организована работа центра, он опытным взглядом сразу замечал недочеты и интересные моменты, которые можно было бы взять на вооружение. Колет держала его за полного лоха и таскала из бутика в бутик, рассказывая о торговых марках. Часа через полтора они сдулись, обвешанные разнокалиберными пакетами с покупками, сели в маленьком ресторанчике перекусить. Колет, как истинная француженка, передала инициативу Шишкееву. Он сделал немудреный заказ и, чтобы доставить удовольствие новой знакомой, попросил принести бутылку Les Cornuds с полей Кот-дю-Рон, урожая 2009 года. Пообедали они с удовольствием, Колет восхищалась вином и, как истинная француженка, позволила Витьке оплатить чек.

Покупки загрузили в багажник, водитель поинтересовался планами.

- Прикажете в отель?

Колет взяла Виктора за руку и просящим тоном, кокетничая, попросила:

– Виктор, в Салониках есть знаменитый археологический музей. Раз уж мы здесь, давайте туда съездим.

Страх от возможной встречи с бодибилдершей еще не прошел, и Шишкеев был рад возможности оттянуть возвращение в отель.

– Конечно, Колет, с удовольствием, ведь археология таит столько неожиданностей, говорят, во время раскопок египетских пирамид в одной из гробниц был найден паспорт гражданина Таджикистана.

Парижанка стеба не оценила.

До музея добирались недолго, чтобы попасть в здание, пришлось постоять в очереди. Ожидание было не напрасным, экспозиция впечатляла – от эпохи неолита до римского периода. Особо интересными были великолепные золотые украшения древней Македонии – тончайшей работы золотые венки и ларцы со знаменитой многолучевой македонской звездой.

Назад возвращались уже вечером. У Шишкеева было чудное настроение, такое бывает в море, когда до возвращения домой остается меньше, чем уже отпахали, Витька подсчитал – без сегодняшнего дня остается один день и день перелета. Колет как бы невзначай спросила:

– Виктор, что собираетесь делать вечером?

Витька ответил честно, без задней мысли:

– Занесу пакеты в номер и пойду поужинаю.

– А с кем вы сегодня ужинаете?

– Ни с кем, один.

Колет искренне удивилась:

– Разве так можно? У нас во Франции говорят, что ужинать в одиночку так же безнравственно, как какать вдвоем!

Ужинали они вместе, ресторан был полупустой, на них никто не обращал внимания. Со стороны можно было подумать, что это супружеская пара мило беседует о своем. Шишкеев откинулся на спинку стула и потягивал из бокала розовое вино, он чувствовал себя в полной безопасности, оказывается, женщина может быть просто приятелем.

– Виктор, здесь такие чудные закаты, а у меня из номера вид на парк, может, спустимся на пляж, понаблюдаем за закатом?

Слова «закат» и «пляж» произвели должный эффект.

– Только не пляж! Колет, я приглашаю вас к себе, с террасы отличный вид на море.

И, не давая ей опомниться, он взял ее за руку и вывел из ресторана. Куда угодно, только не на пляж. Сидя в удобных креслах на террасе, они наблюдали, как море постепенно заглывает солнце. Опустились сумерки, где-то внизу пели цикады, Колет накрыла своей рукой его руку и, призывно глядя ему в глаза, прошептала:

– Мне так одиноко, муж прилетит только через три дня.

Витька воспринял это как предательство, но исправить ничего уже не мог.

Все случилось как бы невзначай, как будто она сказала спасибо за вечер и ушла. Оставшись один, Шишкеев пытался анализировать: ну, во-первых, развеян миф об особом французском сексе, во-вторых, она явно не читала «Пышку» Мопассана и «Эммануэль» Эммануэли Арсан, и выразить свое отношение к происшедшему можно было одной фразой – «Да был я в вашем Париже, ничего интересного там нет!»

iPhone заиграл привычную мелодию, Витька схватил телефон и радостно прокричал:

– Привет, любимая!

– Ну слава Богу, хоть настроение появилось.

– Я сегодня был в Салониках, купил всем подарки.

– Тещу не забыл?

– Забудешь ее. Кстати, скажи ей, чтобы к моему приезду приготовила пуркеле.

За долгие годы совместной жизни он не заметил, как пристрастился к еврейской кухне, а пуркеле – курочку в кисло-сладком соусе – он любил особо.

– Не волнуйся, сделает, ждем тебя, целую.

День шестой. Соотечественница

Витька проснулся в прекрасном расположении духа. Вышел на веранду, потянулся, подставил тело под ласковые утренние лучи рассветного солнца и во весь голос запел: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» Душа пела, до чего же здорово – завтра домой! Он чуть не прозевал завтрак. Быстро сполоснув лицо и почистив зубы, он спустился в ресторан. Время завтрака заканчивалось, и в ресторане почти никого не осталось. У Шишкеева разыгрался аппетит, он навалил себе в тарелку разного сыра, разной колбасы, отрезал внушительных размеров краюху от каравай домашней выпечки, набрал десерты, от одного вида которых выделялась слюна, и фрукты в собственном соку. Заставив стол провизией, он приступил к трапезе. Подошла официантка.

– Вам помочь?

Витька не понял, чего она имеет в виду, и внес ясность:

– Не так уж и много, сам справлюсь.

Доел все, ничего не оставил, приятную сытость щедро залил свежесжатым соком. Ковыряясь в зубах зубочисткой, он подумал, что неплохо бы было перед приездом домой привести себя в порядок.

Из ресторана он напрямик направился в спа-центр, в вестибюле его остановила незнакомая женщина.

– Товарищ, не подскажете, как пройти на пляж?

Витька расхохотался.

– А почему вы решили, что я русский?

Женщина то ли обиделась, то ли растерялась:

– А вы что, не русский?

Вот она, тайна, достойная Мальчища-Кибальчища, как же все-таки русские безошибочно узнают друг друга на чужбине.

– Да русский я, русский.

Витька оглядел бабу, про таких обычно говорят, зачуханка или никакушка. Вот вроде все при ней, а в общем и целом кошмар. Ему почему-то стало обидно и за эту девку и за страну вообще.

– Извините, вас как величать?

– Соня.

– А меня Виктор.

– А по отчеству?

– Васильевич, но это лишнее. Я хочу вам, Соня предложить, перед тем как пойти на пляж, посетить спа-центр. Я тоже иду туда, так что не волнуйтесь. Да, еще, процедуры могут стоить дорого, но вы не беспокойтесь, можете воспользоваться моей картой.

– Что вы, Виктор Васильевич, чего-чего, а денег у меня куча!

В салоне Шишкеев подробно объяснил, что нужно сделать с Соней, благо она английского не знала и ожидала, глупо улыбаясь. Их развели в разные стороны. Через полтора часа Витька, отмассажированный, подстриженный, с идеальным маникюром, сидя в уютном кресле, поджидал новую знакомую. Минут через сорок появилась идеально ухоженная красавица лет тридцати, слегка раскосые глаза, доставшиеся ей от предков-хантов, добавляли особого шарма. Она вытащила из сумки толстую пачку денег купюрами по пятьсот евро и протянула кассиру, видимо, денег у нее была действительно куча. Тому стало плохо, столько наличных денег он никогда не видел. Витька радостно наблюдал за греком в коме, знай наших, Европа нищая! Они вышли к фонтану, Витька внимательно разглядывал Соню, ну практически Галатея, единственно не своими руками, но идея-то моя.

– Ну что, Виктор Васильевич, теперь на пляж?

Шишкеев критически осмотрел гардероб красавицы, он находился в кричащем диссонансе с ее новой внешностью.

– Нет, Сонечка, я бы вам посоветовал сменить гардероб. Если хотите, я вам помогу.

– Спасибо, я и сама думала, только не знаю где и с языком проблемы.

– Отлично, давайте начнем прямо здесь.

Витька взял ее огромную, цвета бирюзы шляпу и выбросил в мусорный вазон.

– А теперь по магазинам, начнем с обуви.

Они вышли на набережную Марины и прошли в обувной бутик. Шишкеев помог ей с выбором, Соня купила модные кожаные сандалии, две пары балеток и красивые голубые туфли из замши на низком каблучке. Расплачивалась она теперь, доставая из сумки по одной купюре. Витька одобрительно кивал головой.

– Ну, Сонечка, а теперь купальники, шорты, майки и платья! И заметьте, никаких шляп.

Они обошли практически все магазины на набережной, радостная Соня тащила по десятку пакетов и сумок в каждой руке, от Витькиной помощи отказалась.

– Соня, посмотрите, прекрасный ресторанчик, давайте пообедаем.

Два кресла она завалила покупками, в оставшиеся два они сели. Принесли аперитив, сделав несколько глотков, Шишкеев, более не в силах сдерживать любопытство, шутливо поинтересовался:

– Откуда вы, прекрасная незнакомка, может быть, вы дочь арабского шейха?

– Почти угадали.

Рассказывала Соня долго и невесело. Родом она была из города Пыть-Ях, что в переводе с хантыйского языка означает «Люди у воды», рядом протекала река Большой Балык. Населения не больше сорока тысяч, а после начала добычи нефти местных практически не осталось. Государство приравняло Пыть-Ях к районам Крайнего Севера. Девочка она была целеустремленная, выучилась на бухгалтера в нефтеюганском техникуме, а потом окончила Тюменский государственный университет по специальности «экономист». Вернулась в Пыть-Ях и устроилась на нефтеперерабатывающий завод. Со временем стала главным экономистом, а потом и финансовым директором. С работой все было в порядке, а вот с личной жизнью полный раздрой. Все приличные мужики или женаты, или вахтовики-налетчики, остальные умудрялись оставлять немаленькие зарплаты в питейных заведениях, не выезжая за пределы городка. Нет, конечно, какие-то романы у нее были, но все несерьезные, а возраст поджимает, рожать надо, а как без мужа-то? Вот такая нескладуха – красавица, денег куры не клюют, а счастья нет. Витька так проникся ее бедой, что слушал со слезами на глазах. Соня была счастлива, ее, может быть, впервые в жизни кто-то выслушал, да еще и пожалел, – настоящая русская баба.

– Соня, я завтра улетаю, так что если чего еще нужно, говори, не стесняйся.

– Виктор Васильевич, я хотела подругам сувениры купить. Сама не справлюсь.

Подошел официант, не обращая внимания на Витькины протесты, она расплатилась и оставила щедрые чаевые в стиле «сдачи не надо» – настоящая русская баба.

Зашли в сувенирную лавку, накупили оливкового масла в сувенирных бутылочках, натуральное мыло, оливки разного засола и, конечно же, магнитики. Подруг у Сони, по всему видно, было много, Шишкеев взял две тяжеленные сумки, и они пошли в отель.

– Соня, а ты как нашла это место?

– А мой директор здесь в прошлом году с женой отдыхал, вот он меня в приказном порядке сюда и отправил, чтоб не чахла над бумагами.

В холле отеля был ювелирный бутик, мимо, конечно же, не прошли.

– Виктор Васильевич, помогите выбрать часики, а то у нас, кроме китайских подделок, ничего нет.

Внимательно изучив витрину, он обратил ее внимание на дорогие швейцарские часы Breguet.

– Если цена не смущает, то выбор прекрасный.

Соня не задумываясь тыкнула пальцем в часы и отсчитала деньги. Довольная продавщица скакала вокруг нее и без умолку что-то щебетала.

– Виктор Васильевич, чего она хочет?

– Она хочет, чтобы ты еще чего-нибудь купила.

Соня освоилась и еще раз тыкнула пальцем часы, это оказался морской хронометр Ulysse Nardin в корпусе из розового золота. Она быстро отсчитала двенадцать тысяч евро, взяла коробку с часами и протянула Шишкееву.

– Соня, даже не думайте! Сейчас мы вернем деньги. Сонечка, милая, поверьте, у меня есть хорошие часы, и не одни.

– Это же подарок, от чистого сердца.

Она смотрела на него полными слез глазами. Витька понял, что это тот случай, когда лучше взять, чем объяснять, почему не можешь.

На выходе из бутика он зацепился ногой за ступеньку, падая, он держал сумки на весу, чтоб не побить бутылочки с маслом, подорвал спину и рухнул. Боль пронзила поясницу. Вокруг собрался народ, предлагая помощь. Соня с перепуганным лицом никого к Витьке не подпускала, взвалила его на себя, собрала все сумки и потащила все это к лифту – настоящая русская баба.

Горничная помогла открыть апартаменты и уложить Шишкеева на кровать. Лежал он несчастный и недвижимый, шевелил только пальцами рук и глазами. Еле слышно он прошептал:

– Врача.

– Никаких врачей, я сейчас, – уверенно ответила Соня, как будто в ее жизни такое случилось каждый день. Она сбегала к себе в номер и принесла какой-то флакон.

– Что это?

– Это настойка на пантах, кедровых орешках и еще много на чем, сейчас я вас быстренько на ноги поставлю.

Она налила грамм пятьдесят в стакан и дала Витьке выпить, он почему-то ей доверял и поило проглотил.

– А теперь придется немного потерпеть.

Соня очень аккуратно, как с младенца, сняла с него рубашку и шорты. Плеснула на спину лечебной жидкости и самоотверженно начала втирать, она его врачевала так, как мать выхаживает своего ребенка, – настоящая русская баба. Особо тщательно обрабатывала поясницу, спустила Витьке трусы и разминала ладонями и локтями. Как ни странно, боль начала отступать.

– Теперь медленно повернитесь на спину, уберем ушиб с груди.

Шишкеев самостоятельно перевернулся, Соня, плеснув в ладонь настойку, начала методично втирать в его волосатую грудь. Боль ушла, Витька блаженствовал, движения ее рук становились все менее жесткими. Женская природа Соньки и чудодейственная микстура сделали свое дело, между ног у Шишкеева медленно, но уверенно поднимался перископ. Руки уже не растирали, а скорее ласкали, медленно опускаясь все ниже и ниже. Видимо, по законам Крайнего Севера, кто больного вылечил, тот его и танцует. Витька не сопротивлялся, он благоразумно решил, что после всего того, что с ним здесь происходило, отказать соотечественнице было бы просто непатриотично.

Сонька любила жарко и долго, но все же с учетом недавней травмы. Немного отдохнув, она поцеловала его в лоб, как ребенка.

– Вам нужно поспать.

Витька уснул еще до того, как она ушла. Жаль Соньку, ведь пропадет это диво дивное на бескрайних просторах Сибири. Больше он ее в своей жизни не видел – настоящая русская баба. Разбудил его звонок жены.

– Ну что, небось чемодан собираешь?

– Нет, сплю.

И опять рухнул в объятия Морфея.

Вяленький цветочек

Шишкеев вставал с кровати не спеша, спина все еще немного ныла. Зазвонил местный телефон.

– Господин Шишкеев, машина в аэропорт будет ожидать в одиннадцать часов у главного входа.

– Спасибо, буду вовремя.

Наступил долгожданный день, Витька собирал чемодан. Сначала он разложил на кровати чемодан, а потом рядом с ним вещи и подарки. Вниз уложил обувь и несессер с туалетными принадлежностями, затем подарки, а сверху вещи, разглаживая каждую складочку, оставшуюся сибирскую настойку завернул в трусы. Закрыв чемодан и проверил, ровно ли закрылась молния. Да, флотская прививка аккуратностью – это на всю жизнь!

Напоследок посидел на веранде, любуясь морем. Ровно в половине одиннадцатого он спустился в холл, нужно было произвести окончательный расчет. Аппарат, потрескивая, привычно списал деньги с карты, персонал, дежурно улыбаясь, пожелал доброго пути. Чемодан был уже в машине, и Витьку больше ничего здесь не держало. Он с радостью захлопнул дверь мерседеса, за рулем был все тот же цыганистый грек.

– Можно ехать?

– Да, только когда будем проезжать Кардию, заедем в церковь Святого Спиридона.

До церкви доехали быстро, будний день, рабочее время, церковь была пуста. Шишкеев попросил водителя найти настоятеля. Минут через пятнадцать появился служитель культа, внушительных размеров, с иссиня-черной курчавой бородой, в длинной рясе и скуфье.

– Как к вам обращаться, батюшка?

– Зови отец Агафоник, – пророкотал тот густым басом.

– Благословите, отец Агафоник.

Поп размашисто осенил его крестом и протянул руку, Витька покорно ткнулся в нее лбом.

– Отец Агафоник, я хотел бы сделать подношение вашей церкви.

Шишкеев протянул батюшке коробку с часами, подаренную Соней. Домой ее не привезешь, а так лучшего применения и нет. Поп коробочку открыл, и глаза его загорелись.

– Богоугодное дело творишь, сын мой.

Витька знал, теперь отец Агафоник ему точно не откажет, и он со смиренной рожей попросил:

– Не исповедаете, батюшка?

Крепко сжимая в могучей руке подарок, поп благосклонно ответил:

– Долг мой – помогать заблудшим.

Вывалил ему Витька все, что с ним происходило, ничего не утаивая.

– Каешься ли в содеянном, сын мой?

– Каюсь, батюшка.

И застыл в поклоне. Отец Агафоник накрыл его епитрахией, на греческом языке прочитал разрешительную молитву, дал поцеловать крест и Святое Евангелие и допустил к причастию.

Непроходящее в последнее время беспокойство пропало напрочь, Витька вышел из церкви абсолютно обезгрешенным.

Все-таки великое дело вера!

Все процедуры в аэропорту прошли быстро и незаметно, Шишкеев купил в Duty free бутылку греческого вина и бутылку анисовой водки. Посадка прошла вовремя, он удобно расположился в кресле, все мысли были о доме, о семье.

Пулково встречало пятью фаллическими образованиями на крыше аэропорта и проливным дождем. Простоял минут сорок на пограничном контроле, и столько же ждал багаж. Здравствуй, Родина!

Пройдя по зеленому таможенному коридору, Витька вышел в зал прилетов. Его встречала жена, он увидел ее сразу. Стройная, улыбающаяся, неотразимая в своей зрелой красоте, она тоже заметила его и помахала рукой. Он так спешил к ней, что сломал колесо на чемодане. Они молча обнялись, Витька крепко прижал к себе жену и вдыхал аромат недавно вымытых волос, это был его любимый запах. До дома доехали молча, просто держась за руки, для настоящего чувства слова – помеха.

Дома его ждал сюрприз, приезд совпал с еврейским Новым годом. За столом его ожидало все большущее семейство. Сидели допоздна, весело, с песнями, стол ломился, особенно вкусным было пуркеле, теща постаралась. Витька был доволен, все было как всегда, вилка слева, нож справа, коньяк в изящной рюмке – это был его дом, и это была его жизнь.

Гости разошлись, многочисленные тетушки убрали со стола, помыли посуду, навели порядок. В доме воцарилась тишина, и Витька наконец остался наедине с женой. Шишкеев в спальне разбирает чемодан, из ванной комнаты вышла жена, она была в короткой шелковой ночнушке. Дина подошла сзади, обняла мужа за шею и томным голосом спросила:

– Тебе помочь?

Шишкеев понял – исполнение супружеского долга в обязательной программе.

– Да ну его к черту, завтра разберу.

Он пнул чемодан, поцеловал жену и пошел принять душ. Стоя под горячими струями воды, Витька обратил внимание на состояние своего мужского достоинства, это маленькое скукоженное существо явно не собиралось трудиться. Вот так, просила жена привезти цветочек аленький, а я привез цветочек вяленький.

- Я не понял, это что, бунт на корабле?
Маленький предатель никак не отреагировал.
- Ну понимаю, досталось тебе, но войди в мое положение!
Вытираясь, Шишкеев сделал последнее предупреждение.
- Смотри у меня, лоботряс, опозоришь, сделаю обрезание.

В спальне Витька отхлебнул из заветного флакона и протянул его Дине:

– Разотри мне, пожалуйста, поясницу.

Дина растирала его нежно, с любовью, и уже через несколько минут они слились воедино. То ли строгое предупреждение, то ли чудное сибирское снадобье, то ли любовь, а может, и все разом, но результат превзошел ожидания. Разомлевшая жена прислонилась щекой к его плечу.

– Нужно почаще отправлять тебя одного, воздержание явно идет тебе на пользу.

Но Витька ее уже не слышал, он спал, и был это глубокий, безмятежный сон человека с отпущенными грехами и исполненным супружеским долгом.

Потерянный рай

Давным-давно в городе С. на берегу Черного м., в глубине Стрелецкой б., словно священный город инков Мачу-Пикчу в горах Перу, затерялся рыбацкий Причал. Отгороженный от остального мира невысоким худым забором и мощной стеной положительной энергетики, он был доступен только для посвященных. У случайно попавшего на Причал человека было только два варианта – уйти и больше никогда не появляться или остаться навсегда. Это был затерянный рай. Изрядно потрепанные мостки с основательно привязанными яликами, скромные халабуды и совершенно особенные, замечательные люди. Во главе стояли Председатель и Старшина причала, с нынешней светской властью аналогии провести невозможно – это были скорее Верховный жрец и Вождь. Стоило пересечь ворота, и ты попадал в другой мир, как будто пройдя через очищающий портал, все проблемы ты оставлял за воротами, а там, в затерянном раю, люди жили по своим законам, все друг друга знали, приветливо общались, помогали друг другу, с почтением относились к старикам и прислушивались к их советам. Туда не водили женщин легкого поведения, туда не заглядывала милиция, а если на Причале появлялся человек без выхлопа, местная свора, возглавляемая рыжим кобелем-переростком Мишкой, могла и покусать. Там все было другим, и мысли, и запахи, и язык, и время там текло по-иному, даже бабочки-однодневки жили там по три дня. На Причале царила атмосфера благодушия и всеобщей любви, любви к рыбалке!

Бытие

Есть ли жизнь после смерти? А жизнь после службы? Если в первом случае это вопрос веры и все зависит от Бога, то во втором это вопрос желания и все зависит от личных способностей.

Жизнь на пенсии устаканилась, отпали тревоги о хлебе насущном, появилась уверенность в будущем, более того, появилось свободное время. Естественно, нужно было подумать о том, как его занять. Дача была не в счет, там господствовал принудительный труд и теща с мотыгой. Понятно, что ни о каком отдыхе и тем более душевном равновесии и речи не было. Хотелось чего-то другого, у англичан это называют хобби, а у нас – «хватит ерундой заниматься, лучше что-нибудь по дому сделай». Особого выбора не было, если ты мужчина и живешь у моря, если у тебя нормальная ориентация, ты азартен, доктора не запрещают тебе выпивать и вдобавок ты не филателист, твой выбор – рыбалка! Ну не макраме же плести, честное слово.

Вначале был ялик...

Чтобы заниматься рыбалкой всерьез, нужно было иметь плавсредство. Морев обложился местными городскими газетами и внимательно изучал разделы частных объявлений. Через час усердных поисков, на последней странице газеты «Слава Севастополя» Бог знает за какое число, между объявлениями «Потомственный нарколог, сниму запой любой тяжести» и «Супружеская пара с высшим музыкальным образованием организует свадьбы, похороны и юбилеи» показался нужный текст – «Ял-6, в хорошем состоянии, дорого». Вот так, лаконично и исчерпывающе. Продавец, старик Пухов, цену озвучил просто неприличную, в конце концов договорились посмотреть ялик в ближайшую субботу. Решив, что финансовую нагрузку нужно снизить, Морев позвал в концессионеры Сашу Качалова. Саша, закончив карьеру корабельного доктора и выйдя в отставку, активно занялся грузоперевозками, но, ностальгируя по своему медицинскому прошлому, компанию назвал «Аппендикс». Он даже завел себе визитные карточки – «Грузоперевозки любой сложности. АТП «Аппендикс», Качалов Александр Александрович. Тел. 46–40–20». Морев позвонил доктору, в случае с Качаловым это была не принадлежность к профессии, а кличка.

– Здорово, док, есть предложение.

– Извини, я временно в завязке.

– Это не то, о чем ты подумал.

Морев подробно объяснил Качалову ситуацию.

– Многовато хочет, будем торговаться, – со скрытой угрозой подытожил доктор, авансом давая понять, что он согласен.

В субботу ровно в 8.00, как и договаривались, под балконом у Морева стоял сильно поживший мерседес красного цвета, напоминающий большой дорожный чемодан со сломанными замками и оторванной ручкой. Доктор искренне считал, что старое значит надежное. Почухивая, попердывая и подергиваясь, мерседес выехал со двора. Добираться до Причала было недолго – минут пятнадцать, но в машине Качалова год шел за три, как на войне, и время тянулось невыносимо долго. Наконец закончился асфальт, еще метров триста по грунтовке, потом круто вправо и вниз. Машина остановилась перед высокими воротами, выкрашенными в голубой цвет, узкую пыльную дорогу с обеих сторон накрывали огромные кусты ежевики. Калитка оказалась открытой, и они вошли. Рядом с домиком дежурного под навесом, сидя за столом, скучал дежурный по Причалу, мужик лет шестидесяти. Лениво перебирая кости домино, он демонстративно не замечал чужаков.

– Извините, нам нужен Пухов. Не подскажите, как его найти?

Дежурный махнул рукой.

– А вон туда идите, в конец Причала, халабуда номер 1011.

На полпути их остановил здоровый рыжий кобель в сопровождении разнокалиберной и разноцветной своры. Он зло смотрел на чужаков и молча скалился. Качалов с Моревым инстинктивно прижались друг к другу. Рядом ни палки, ни камня. Спасение пришло неожиданно, из домика с открытой настежь дверью, проем которой был завешен старой рыбацкой сетью, строгим голосом прозвучала команда:

– Мишка, мать твою, отстань от людей!

Кобель перестал злиться и буднично засеменил по своим делам.

У халабуды с табличкой на двери «1011» их встретил пожилой мужчина в коротком пиджачке и засаленной кепке.

– Это вы по поводу покупки ялика?

– Мы.

– Ну идемте, посмотрите.

Пока шли к ялику, старик Пухов расхваливал его достоинства. У ближайшего мостка было привязано яликов двадцать, и Морев все пытался угадать, который из них пуховский. Ялик был привязан почти на самом конце мостка. Старик ткнул пальцем и с гордостью произнес:

– Вот моя ласточка!

Морев растерялся, это было не плавсредство, а натуральный копролит, это подтверждало и то, что он до сих пор не утонул. В прогнозах он не ошибся, Ял-6 был изготовлен в 1956 году, а двигатель Л-6 был 1960 года. У Качалова реакция была иной, увидев перед собой ископаемое в его первозданной прелести, он залез вовнутрь и, загадочно улыбаясь, оглаживал планширь.

– А двигатель работает? – Уже без всякой надежды спросил Морев.

– Еще бы, как часы.

Старик проворно заскочил в ялик, вытащил из какого-то закутка веревку с рукояткой и большим узлом на конце, аккуратно обернул вокруг маховика и резко дернул, раскручивая двигатель. С пятого раза двигатель начал оживать, глухо застучал и наконец вышел на рабочий режим. Как бы оправдываясь, Пухов пояснил:

– Видать, магнето отсырело.

Морева разбирало любопытство.

– А чего вы его продаете, если он такой хороший?

– Сроду не продал бы, на операцию надо.

Талантливо врал старик.

Для серьезного разговора они направились в домик. По дороге доктор шепнул:

– Про операцию врет, с такой рожей больных не бывает. На жалость давит, хочет, чтоб не торговались.

Халабуда у Пухова была барской – 3×4, из инкерманского камня, с подвалом и сараем вдоль всего строения. Мебель была сборная – кушетка, маленький столик и две разнокалиберные табуретки. На стене висела большая картина неизвестного художника в золотом багете и с дыркой посередине. Торг шел долго и шумно. Нужно было отдать должное Качалову, при всей его доктороватости, когда речь заходила о деньгах, в особенности о его личных, он становился беспощадным к оппоненту. Старик взмолился:

– Ялик на воде, сухой, двигатель в строю, ну что вам еще нужно?

В домике напротив обитал Старшина Причала, он среагировал на шум, его голова показала в дверном проеме. Расстроенный Пухов решил найти поддержку у него.

– Николаич, ну хоть ты им скажи.

Лучше бы он к нему не обращался. Николаич знал на Причале всех и все и, заранее не предупрежденный Пуховым, вывалил все как есть.

– Ну что вы, ребята, надо деду помочь. Ялик нужно капитально отремонтировать, а у деда ни сил, ни денег. Один у него выход – продать. Зато какая вам халабуда достанется!

Покупатели поняли, что «домик пана Тыквы» – это принадлежность к ялику и пуховские здесь только табуретки с картиной, и их настроение улучшилось. Получив бесценную информацию от Старшины Причала, Качалов нанес сокрушающий удар и опустил цену вполтину. Старик запричитал:

– Да у меня в сарае добра на три ялика хватит, накиньте хоть сто долларов.

Мелочиться уже не было смысла, накинули. Быстро на тетрадных листках написали договор, расплатились, а Николаич это все удостоверил подписью и печатью. Пухов поставил на стол бутылку и четыре пыльных граненых стакана, видимо, хитрый старик получил все, что хотел. Сославшись на руль, доктор отказался. Выпили за удачную сделку, закусывали семечками, идя вдоль Причала. Вокруг была благодать, у мостков мирно покачивались ялики, друзья не могли оторваться и как в ступоре стояли посреди Причала, рядом лежал остов старого яла, похожий на скелет огромной рыбы, он как бы напоминал, что нет ничего вечного и жить нужно сегодня, сейчас, ничего не откладывая на потом. Откуда ни возьмись появился Мишка, внимательно обнюхав штанину, он дружелюбно потерся своей здоровущей башкой о ногу нетрезвого Морева. Огляделись они вокруг и решили, что это хорошо, день первый.

Стало абсолютно ясно, что с яликом придется повозиться всерьез, и ребята призвали на помощь старых проверенных друзей – Голика с Бубликом. В воскресенье ближе к обеду собирались у высокого крыльца домика номер 1011. Последним подошел Анатолий Алексеевич Бублик, которого звали просто Дед, в руке он держал холщовую сумку, сумка эта всегда была при нем, и в ней всегда было. Свою службу в гидрографии он начал с отдела материально-технического обеспечения Совгаванского района. Дед и в молодости был человеком хозяйственным и запасливым, а потому его карьера в МТО была гармоничной. Дослужившись до капитана II ранга, он перевелся в Севастополь, где и вышел на пенсию с должности зам. начальника экспедиции по МТО.

– Ну наконец все собрались.

Настрой был решительным. Зашли в домик, расселись вокруг стола, и Морев объявил повестку.

– Мужики, есть ялик, его надо привести в порядок, желательно успеть за месяц. Предлагаю написать план ремонта ялика.

Мудрый Дед, опираясь на богатый флотский опыт, возразил:

– Если план написать – точно не выполним.

Сергея Голик, более известный как Шпак, единственный из всех, кто еще трудился на гидрографическом судне, откровенно зевал. Шпак находился в состоянии свежеразведенности. Очередного длительного ремонта в Польше его жена не выдержала и забрала детей. Заселившись после размена в однокомнатную квартиру, он оттягивался по полной, за все годы верного супружества оттягивался!

– Шпак, может, ты чего предложишь?

– Ой, вот только не надо. Скажите, чего делать, я сделаю.

Посоветовавшись, пришли к единому мнению чтобы понять, чего делать, ялик нужно из воды вытащить. Ялик отвязали от мостка и подтащили к берегу, что делать дальше, было непонятно, ял уперся носом в берег. Рядом из кунга раздался голос:

– Ну народ, двигатель сначала снимите!

Из дверей показалась добродушная взъерошенная голова, это был их годок Вовка Семин по прозвищу Гросс-адмирал. На Причале он был старожилом, шикарный пластиковый ялик с мачтой достался ему по наследству от покойного тестя. Давать советы имел полное право.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.